

УДК 930(2)

К вопросу об эволюции советской критики
буржуазной историографии в годы перестройки

Юлиана Н. Ершова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yulanna.yershova@mail.ru*

Аннотация. В статье выявляются временные рамки, в которые советские ученые перешли от целенаправленной критики западных исторических трудов к попыткам их беспристрастной оценки. В условиях Холодной войны критика работ, отличающихся от установок марксизма-ленинизма, выступала обычной научной практикой. Однако с наступлением перестройки и демократизацией общества были запущены процессы обновления исторической науки. Преобразования в государстве позволили начать реорганизацию самых разных сфер общественной жизни, в числе которых оказалась и историческая наука. Так, критика капиталистической историографии претерпела значительные изменения, для прослеживания которых автор привлекает историографические обзоры на западные исследования, издававшиеся в ведущей научной периодике АН СССР во второй половине 1980-х гг. Трансформации в риторике советских ученых сопоставляются с партийными постановлениями, затрагивавшими развитие исторической науки. Это позволяет проследить, как изменения во внутренней и внешней политике Советского Союза повлияли на деидеологизацию советской историографии и формирование современных основ изучения научной литературы немарксистского толка.

© Ершова Е.Н., 2026

Автором было выявлено, что ускорение социально-экономического развития и прочие внутривнутриполитические преобразования первых этапов перестройки преследовали целью, прежде всего, совершенствование социалистического строя, что лишь усиливало критику достижений стран капиталистического уклада. Изменения же в историографических работах наступили лишь в 1988 г., когда реформы стали заметно радикализироваться, а во внешнеполитическом курсе страны утвердилось «новое политическое мышление».

Ключевые слова: АН СССР, история науки, перестройка, советская историография, советская наука

Для цитирования: Ершова Ю.Н. К вопросу об эволюции советской критики буржуазной историографии в годы перестройки // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 141-157.

How Soviet criticism of bourgeois historiography transformed during the Perestroika period

Juliana N. Yershova

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, yulanna.yershova@mail.ru

Abstract. The article identifies the time frame within which Soviet scholars transitioned from targeted criticism of Western historiography to their attempts to objectively evaluate them. During the Cold War period, criticism of works different from the Marxist-Leninist principles was a common scientific practice. However, with the onset of perestroika and the democratization of society, the processes of updating historical science were triggered. The transformations in the state allowed for the reorganization in various areas of public life, including historical science. As a result, the criticism of capitalist historiography underwent significant changes, to trace which the author draws on historiographical reviews of Western research published in the leading scientific journals of the USSR Academy of Sciences in the second half of the 1980s. The author compares the transformations in the rhetoric of Soviet scholars with the party resolutions that affected the

development of historical science thus making it possible to trace how changes in the domestic and foreign policies of the Soviet Union influenced de-ideologization of Soviet historiography and formation of modern foundations for studying non-Marxist scientific literature. The author also reveals that the acceleration of socio-economic development and other domestic political transformations during the early stages of perestroika were primarily aimed at improving the socialist system, which only intensified criticism of the achievements of capitalist countries. However, changes in historiographical works only occurred in did not happen until 1988, the year when reforms became more radicalized and the country's foreign policy adopted a "new political thinking."

Keywords: USSR Academy of Sciences, history of science, perestroika, Soviet historiography, Soviet science

For citation: Yershova, J.N. (2026), "How Soviet criticism of bourgeois historiography transformed during the Perestroika period", *Young Historian*, no. 2(6), pp. 141-157.

Партийно-государственные структуры значительно влияли на общественную жизнь в Советском Союзе, поскольку для удержания власти после революционных событий 1917 г. потребовалось установление государственного контроля над целым рядом сфер. К их числу была отнесена и историческая наука, так как «верная» интерпретация прошлого позволяла легитимизировать советскую власть. Историческое знание оказывалось сковано строгими идеологическими предписаниями, выход за рамки которых тщательно пресекался¹ [Смирницкий 2026, с. 88]. От исследователей требовалось сохранение и воспроизводство набора устоявшихся идеологических штампов, что затрудняло обновление исторической мысли в трудах советских ученых. Рассматриваемые историками события и процессы часто становились дополнительным подкреплением тех закономерностей, что были прежде открыты и утверждены.

---

¹ Например, в начале 1970-х гг. школа историков «нового направления», выросшая из семинаров М.Я. Гефтера, была «разгромлена», так как исследования авторов ставили под сомнение наличие в стране объективных предпосылок для социалистической революции.

Положения марксистско-ленинского учения было не принято подвергать сомнению, из-за чего спор если и возникал, то касался лишь частных. А.П. Логунов, наблюдая за стремительным развитием исторического знания после распада Советского Союза, отмечал, что к началу перестройки «история могла гордиться, что стала наукой без проблем» [Логунов 1996, с. 450].

Такая связь исторического знания с политической конъюнктурой привела к тому, что расширение проблемного поля и обновление исторической науки стало возможно лишь во второй половине 1980-х гг., когда с началом перестройки значительно ослабла государственная цензура. Спустя всего несколько лет реформ изменения в стране приняли необратимый характер, а историческое знание стало выходить из-под государственного контроля. Появилась возможность применять альтернативную методологию, поднимать ранее нежелательные темы, вести активный диалог с мировым историческим сообществом и обмениваться научным опытом. Изменения затронули и историографические исследования. Ранее в отношении немарксистских исторических работ доминировала критика и утверждения о превосходстве марксизма в качестве научного метода [Мохначева 1996, с. 80], что не способствовало налаживанию внешних академических связей. В ситуации Холодной войны такая антикапиталистическая риторика становилась способом заявить о своей принадлежности к социалистическому блоку. Советские историки были вынуждены использовать марксистский язык исследований и критически оценивать научные достижения государств иного строя. Выборка немарксистской историографии часто представляла собой податливый для критики материал, из-за чего возникала иллюзия тотального превосходства советского исторического знания. С наступлением же перестройки язык исследований и понятийный аппарат советских историков стал постепенно меняться. Новая политическая культура потребовала пересмотра прежних позиций и ухода от марксистской риторики.

В текущей статье мы постараемся проследить время изменений в советских историографических исследованиях, произошедших под влиянием перестройки и новых политических ориентиров. Для этого будут использоваться партийные

постановления, значимые для исторического сообщества, а также советские историографические исследования, посвященные репрезентации образа советского строя в работах ученых из стран Западного блока. В качестве основного источника были выбраны публикации из крупнейших советских исторических журналов, аффилированных с деятельностью АН СССР: «История СССР» и «Вопросы истории». В частности, привлекались статьи, публиковавшиеся в разделе об изучении истории СССР за рубежом. Причиной именно такого выбора стало то, что ведущая историческая периодика не только отражала академические настроения в историческом сообществе, но и подавала «исследовательский пример» иным работам этого периода.

***

Как известно, вторая половина XX в. началась для Советского государства кратким периодом либерализации. Н.С. Хрущев инициировал ослабление государственного контроля и процессы частичной демократизации. Однако после его отставки новому руководителю государства, в особенности с подавлением Пражской весны, стало ясно, что дальнейшее расширение свобод способно вызвать реальную угрозу советской стабильности. Охранительные тенденции вновь стали нарастать, а партия возвращать свое влияние: в Конституцию 1977 г. была введена 6-я статья, закрепляющая за КПСС главенствующую роль в стране². Сам же период – когда во главе государства находился Л.И. Брежнев – получил в историографии наименование «застой». Общие тенденции развития страны замедлились, а идеологизация государства с каждым годом набирала все большие обороты. На этом фоне 1980-е гг. стали для Советского Союза временем перемен. Целый комплекс реформ был начат с приходом к власти нового Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева.

В условиях Холодной войны отношения с государствами иного, капиталистического уклада могли строиться лишь на принципах конфронтации. Глобальное противостояние общественно-политических систем требовало строгого

---

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. 1977. С. 4.

государственного контроля за формированием представлений о прошлом Советского Союза [Смирницкий 2026, с. 85]. В соответствии со статьями Уголовного кодекса, за распространение «измышлений, порочащих Советское государство и общественный строй», возлагалась ответственность [Шестаков 2010, с. 33], что требовало от исследователей безоговорочной поддержки марксизма-ленинизма. Выходящие в Советском Союзе научные труды проходили через строгую государственную цензуру. Противоречащие партийным установкам работы не могли быть пропущены в печать, особенно если касались важнейших общественно-политических процессов и событий, поэтому исследователи были вынуждены подвергать свои работы строгой самоцензуре. Со временем марксистская риторика стала привычным обрамлением научного языка советских историков. Так, необходимость отстаивания собственного общественно-политического строя приводила к тому, что в отношении иной, капиталистической системы, допускалась лишь критика. Поэтому необходимым элементом любого обзора немарксистской историографии выступало принижение ее достижений и ответное восхваление советских успехов.

1980-е гг. в развернувшейся Холодной войне были объявлены периодом ухудшения международной ситуации, о чем говорилось в отчетах июньского пленума ЦК КПСС 1983 г. В материалах отмечалось, что к этому времени сложилось «небывалое за весь послевоенный период обострение борьбы двух общественных систем», в связи с чем требовалось бескомпромиссное противостояние «буржуазной идеологии»³. Научное сообщество с вниманием отнеслось к итогам Пленума. На одном из заседаний АН СССР историки поставили на обсуждение новые задачи исторической науки. Среди прочих положений ими неоднократно повторялась важность идеологизации исторического знания, поскольку именно «верная» трактовка исторического опыта способна «давать аргументированный отпор клеветническим

---

³ Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 г. М., 1993. С. 68.

измышлениям идейных противников»⁴. Так, акцент на «защите» марксизма-ленинизма и усилении антизападной риторики внутри страны стали основой для целого ряда критических работ. Тексты таких обзоров сопровождалась набором ярких оценочных суждений в адрес западных ученых: «клеветнические измышления» [Рыбалкина 1985, с. 213], «буржуазные фальсификаторы» [Ржешевский 1985, с. 156], «претенциозные заявления» [Боганцев, Тропин 1985, с. 194], «идеологи империализма» [Чертина 1985, с. 198], «антиисторичность концепций» [Коробочкин 1985, с. 165] и др. Характер критики в большинстве историографических трудов сводился к общей формуле: надуманность тезисов, несерьезность аргументов и бесосновательность выводов.

Цель исследования чаще всего сопровождало длинное предисловие о важности «разоблачения» западных ученых, стремящихся сфальсифицировать историю Советского Союза. Исходя из этого, основной задачей советского историка становилось критическое рассмотрение существующих в зарубежной историографии версий по какому-либо вопросу [Быстров, Кульков 1985, с. 169–170]. Это приводило к ситуации, когда в зарубежных научных трудах оценивали не научную значимость, а степень «искажения» советских трактовок исторического процесса, чтобы показать антикоммунистическую направленность советологии [Гречихо 1985, с. 180]. Некоторые авторы и вовсе не заботились о нейтральности формулировок, а сразу предупреждали читателя, что собираются «подвергнуть критическому анализу новейшие версии буржуазной историографии» [Виттенберг 1986, с. 194].

С приходом же к власти М.С. Горбачева были запущены реформы, приведшие науку к ее обновлению. Однако изменение устоявшегося положения дел наступило далеко не сразу. В реалиях Советского государства запускать преобразования должна была инициатива сверху [Елисеева 2010, с. 56]. Властная монополия, утвержденная за партией, позволяла ей проводить в жизнь любые решения. Имея широкие полномочия, руководители партии стали реализовывать новый реформаторский курс, который изначально

---

⁴ Обсуждение задач исторической науки в свете решений июньского (1983) Пленума ЦК КПСС // Вопросы истории. 1983. № 9. С. 18.

не предполагал радикальных преобразований. В 1985–1986 гг. окружение М.С. Горбачева и сам Генеральный секретарь ставили вопрос лишь о совершенствовании социализма. Инициированные ими реформы были призваны преодолеть факторы замедления, а не кардинально изменить существующий строй [Елисеева 2010, с. 70–71]. Это подтверждается и характером задач, поставленных перед советскими историками по итогам XXVII съезда КПСС. Поскольку сам съезд запустил курс на «ускорение» социально-экономического развития, академическому сообществу было объявлено, что требуется реорганизация исторической науки и исследовательских практик с целью повышения их эффективности. Основы же советского исторического знания должны были оставаться неизменными, целью ставилось лишь достижение большей научной эффективности. Исходя из этого, в оценке немарксистской историографии предполагалось сохранить критическую направленность: от историков требовался «дух наступательности в отношении фальсификаций исторического процесса буржуазными идеологами» [Тихвинский 1986, с. 6]. Так, в этот период верность социалистического выбора не подвергалась сомнению, а критика капиталистического строя не теряла своей актуальности.

Эту тенденцию подтвердил и январский Пленум ЦК КПСС 1987 г., где повторились призывы объединить усилия в «деле активизации критики буржуазных концепций исторической науки» [Тихвинский 1987, с. 12]. В соответствии с ним в течение 1987 г. историки сохраняли критические позиции в отношении западного научного сообщества. В особенности те, кто занимался проблемами истории Советского Союза. Труды советологов активно «разоблачались». Говорилось о том, что западные историки стремятся подорвать международный авторитет СССР [Гречихо 1987, с. 201]; упоминался «империализм», который всячески пытается «дискредитировать реальные достижения социализма» [Гришаев 1987, с. 195]. Тем самым актуальность подобных исследований не подвергалась сомнению, а идеологическим обоснованием острой критики зарубежных работ выступал теперь уже XXVII съезд КПСС. Например, в своей историографической статье Е.Я. Виттенберг говорил о том, что

именно в свете решений этого съезда стало ясно, как важно совершенствовать социализм и защищать его от капиталистических «обвинений». Для этого автором и была поставлена цель «показать несостоятельность новейших советологических концепций» [Виттенберг 1987, с. 195].

Изменения же последовали лишь с началом 1988 г., когда все отчетливее стал меняться внешнеполитический курс страны. Критикуя достижения ученых из стран Западного блока, советские историки во многом следовали тем внешнеполитическим установкам, какие в условиях биполярного мира требовали враждебного отношения к странам иного устройства. Однако с утверждением «нового политического мышления» приоритет стал отдаваться общечеловеческим, а не классовым ценностям. Это потребовало преодоления раскола биполярного мира, а значит, и снятия напряженности между двумя общественно-политическими системами. Так, в 1987 г. стали появляться историографические обзоры, избегающие резкой критики западных коллег. Новая идейная основа позволила советским ученым задаться прежде невозможными вопросами. Например, А.Н. Мерцалов, завершая обзор немарксистской историографии о Второй мировой войне, открыто поднял вопрос о действенности «разоблачений», которые до зарубежного читателя практически не доходят, а на отечественного мало влияют [Мерцалов 1987, с. 50].

Эта мысль была не нова и даже удостоилась целого обсуждения за круглым столом, который был организован редакцией журнала «История СССР» 1 июля 1987 г.⁵ В обсуждении приняли участие представители крупнейших научных структур Советского Союза, от исторических отделений АН СССР и до ведущих советских университетов. Проблема отношения к немарксистской историографии была выведена на новый уровень осмысления. Участники встречи подняли целый комплекс вопросов, связанных с целесообразностью критики немарксистской историографии в условиях «нового политического мышления». По итогу встречи ученые признали необходимость конструктивного диалога с западным академическим сообществом

---

⁵ Современная немарксистская историография и советская историческая наука. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1988. № 1. С. 172–202.

и важность отказа от позиции признания «нашей истины» единственно верной. Беседа стала знаковым событием и во многом определила те тенденции в изучении немарксистских исследований, какие будут заметны в 1990-е гг.

Здесь же стоит говорить, что между написанием статьи и ее публикацией существует определенный временной разрыв. К моменту, когда мы замечаем ту или иную идею в печати, она успевает пройти долгий путь созревания в уме исследователя, воплощения на бумаге, прохождения редактуры, и лишь затем уже публикации в одном из научных журналов. Так, сдвиги в критике немарксистской историографии становятся заметны лишь к середине 1988 г. В первую очередь меняется исследовательский язык. В целом ряде научных публикаций исчезают «буржуазные фальсификации», утверждения об «антисоветизме» и слова о намеренном «искажении истин» советологами. Более того, иной становится и направленность историографических работ. Если ранее в обзорах прямо говорилось о необходимости «разоблачить» немарксистскую научную литературу, то уже в середине 1988 г. историк В.Д. Соловей в качестве цели своего исследования говорит об «анализе совокупности работ <...> и определении основных тенденций развития буржуазной историографии» по поставленной им проблеме [Соловей 1988, с. 200]. Сверх того, подводя итоги написанному, исследователь признает, что в ряде вопросов «западные ученые опережают своих советских коллег» [Соловей 1988, с. 215]. А историк А.Н. Медушевский вместо призывов продолжить критику немарксистской историографии, наоборот, подчеркивает важность использования советскими историками «новых методик» из зарубежной науки, в числе которых, например, количественные методы и изучение психологической мотивации исторических деятелей [Медушевский 1988, с. 205–206].

Между тем, волна перемен лишь нарастала, и к концу 1988 г. стали появляться работы, в которых критически оценивались уже достижения советской исторической науки. В рецензии на книгу, посвященную «критике буржуазных концепций», исследователь А.Л. Айзенштадт подчеркнул справедливость критической оценки советской научной литературы о «буржуазной историографии». По его словам, в ней вся «советология трактуется как

антикоммунистическая, а для опровержения буржуазных концепций используются вырванные из контекста цитаты, намеренно оглуляющие наших оппонентов» [Айзенштадт 1989, с. 206]. Более того, в словах автора звучали призывы историческому сообществу избавиться от «примитивно-разоблачительского» подхода и заменить его на научную критику и обмен опытом исторических исследований [Айзенштадт 1989, с. 208].

Как видно, уже к середине 1988 г. реформаторский курс в стране заметно радикализировался. Более того, М.С. Горбачев инициировал рассекречивание дел о репрессиях 1930-х гг., обсуждение вопросов о перегибах периода коллективизации и индустриализации, что способствовало изданию большого количества ранее запрещенных в СССР трудов [Елисеева 2010, с. 75–76]. Запущенные процессы десакрализации социализма еще более усилились решениями XIX партконференции КПСС, где Генеральный секретарь произнес речь об углублении преобразований и необходимости создания «качественно нового отечественного научного потенциала» [Ханин 2021, с. 178]. Так, пересмотр советского исторического опыта в сочетании с возможностью поднимать прежде табуированные темы привел к расколу советского общества на сторонников и противников социализма. Эти процессы затронули и историческое сообщество. Научные труды начали все сильнее отходить от рамок марксизма-ленинизма, что запустило новый этап теоретико-методологических поисков отечественной исторической науки.

Так, наибольшие изменения в критике немарксистской историографии стали заметны с середины 1988 г. Вплоть до этого времени историографические исследования немарксистских научных трудов были крайне идеологизированы, что выражалось не только в марксистской риторике, но и в целях, какие ставили в своих работах советские историографы. Подбор источников и аргументации часто служил для «разоблачения» антисоветски направленных трудов, а не выявления научной значимости зарубежных исследований, что было вызвано противостоянием социалистической и капиталистической общественных систем. С началом же перестройки ситуация начала меняться, однако далеко не сразу. XXVII съезд КПСС, запустивший в 1986 г. курс на

преобразования внутри страны, не только не предполагал коренных изменений в социалистическом устройстве государства, но и, наоборот, провозглашал совершенствование социализма. В соответствии с этим установки на критику капиталистического строя сохранялись. Изменения же наступили с утверждением «нового политического мышления» и углублением внутривластных реформ, когда был объявлен курс на сближение с европейскими странами и Америкой. Он позволил начать постепенный переход от антизападной риторики к межгосударственному научному диалогу и признанию плюрализма мнений.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзенштадт 1989 – *Айзенштадт А.А.*: Н.Я. Гуцин, В.А. Жданов. Критика буржуазных концепций истории сибирской деревни // История СССР. 1989. № 1. С. 206–208.
- Боганцев, Тропин 1985 – *Боганцев А.А., Тропин В.И.* Современная буржуазная историография о борьбе большевиков за руководство крестьянским движением в годы первой российской буржуазно-демократической революции // История СССР. 1985. № 1. С. 193–208.
- Быстров, Кульков 1985 – *Быстров В.Е., Кульков Е.Н.* Партизанское движение в период Великой Отечественной войны в современной буржуазной историографии // История СССР. 1985. № 3. С. 168–177.
- Виттенберг 1986 – *Виттенберг Е.Я.* Современная буржуазная историография об участии трудящихся СССР в управлении производством // История СССР. 1986. № 2. С. 194–209.
- Виттенберг 1987 – *Виттенберг Е.Я.* Социальная структура советского рабочего класса в освещении новейшей буржуазной историографии // История СССР. 1987. № 3. С. 194–210.
- Гречиго 1985 – *Гречиго С.Е.* Борьба Советского государства за мирное сосуществование в первые послереволюционные годы и современная буржуазная историография // История СССР. 1985. № 6. С. 179–188.

- Гречихо 1987 – *Гречихо С.Е.* Курс СССР на укрепление международной безопасности и разоружение и новейшая буржуазная историография // История СССР. 1987. № 1. С. 201–215.
- Гришаев 1987 – *Гришаев С.В.* Буржуазные историки о демографическом развитии СССР на современном этапе // История СССР. 1987. № 2. С. 195–201.
- Елисеева 2010 – *Елисеева Н.В.* Ускорение и перестройка в 1986–1988 гг. // Перестройка и крах СССР. 1985–1993 / Под. ред. Т.М. Бойко. СПб.: Норма, 2010.
- Коробочкин 1985 – *Коробочкин М.А.* Проблемы истории Второй мировой войны в журнале «The Journal of Modern History» // Вопросы истории. № 1. 1985. С. 160–166.
- Логунов 1996 – *Логунов А.П.* Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг. // Советская историография / Под. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996.
- Медушевский 1988 – *Медушевский А.Н.* Российское государство XVII–XVIII вв. в освещении современной немарксистской историографии (обзор литературы) // История СССР. 1988. № 3. С. 195–206.
- Мерцалов 1987 – *Мерцалов А.Н.* О критике буржуазной историографии Второй мировой войны // Вопросы истории. 1987. № 12. С. 35–50.
- Мохначева 1996 – *Мохначева М.П.* Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Советская историография / Под. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996.
- Ржешевский 1985 – *Ржешевский О.А.* Новейшая буржуазная историография о коренном переломе в ходе Второй мировой войны // История СССР. 1985. № 3. С. 155–168.
- Рыбалкина 1985 – *Рыбалкина И.Г.* Советский Союз и страны Африки. Критика новейших буржуазных концепций // История СССР. 1985. № 1. С. 209–216.

- Смирницкий 2026 – *Смирницкий А.Е.* Актуальные проблемы развития советской исторической науки (1917–1991). М.: ИНФРА-М, 2026. 157 с.
- Соловей 1988 – *Соловей В.А.* Процесс становления советской исторической науки (1917 – середина 30-х гг.) в освещении американской и английской историографии // История СССР. 1988. № 4. С. 200–215.
- Тихвинский 1986 – *Тихвинский С.А.* Состояние и задачи координации исторических исследований // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 3–15.
- Тихвинский 1987 – *Тихвинский С.А.* Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС и историческая наука // Вопросы истории. 1987. № 6. С. 3–13.
- Ханин 2021 – *Ханин Г.И.* Почему провалилась попытка ускорить научно-технический прогресс в перестроечном СССР // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2021. № 6. С. 176–192.
- Чертина 1985 – *Чертина З.С.* Новейшая буржуазная историография о развитии наций и народностей СССР на современном этапе (по материалам Советской Средней Азии) // История СССР. 1985. № 4. С. 193–205.
- Шестаков 2010 – *Шестаков В.А.* Советский Союз к 1984 году // Перестройка и крах СССР. 1985–1993 / Под. ред. Т.М. Бойко. СПб.: Норма, 2010.

REFERENCES

-
- Bogantsev, A.A., Tropin B.I. (1985), “Modern bourgeois historiography about the Bolshevik Struggle for leadership of the peasant movement during the First Russian Bourgeois-Democratic Revolution”, *History of the USSR*, no. 1, pp. 193–208.
- Bystrov, V.E., Kulkov, E.N. (1985), “The partisan movement during the Great Patriotic War in modern bourgeois historiography”, *History of the USSR*, no. 3, pp. 168–177.
- Chertina, Z.S. (1985), “The latest bourgeois historiography about the development of the nations and nationalities of the USSR (Based

- on the materials of Soviet Central Asia)", *History of the USSR*, no. 4, pp. 193–205.
- Eisenstadt, A.L. (1989), "N.J. Gushchin, V.A. Zhdanov. Criticism of bourgeois concepts of the history of the Siberian village", *History of the USSR*, no. 1, pp. 206–208.
- Eliseeva, N.V. (2010), *Yskorenie i perestroika v 1986-1988 gg.*, in Boyko, T.M. (ed.), *Perestroika I krakh SSSR* [Perestroika and the collapse of the USSR], Norma, Saint Petersburg, Russia, pp. 56–99.
- Grechiho, S.E. (1985), "The struggle of the Soviet state for a peaceful future in the first post-revolutionary years and modern bourgeois historiography", *History of the USSR*, no. 6, pp. 179–188.
- Grechiho, S.E. (1987), "The USSR's course towards strengthening international security and disarmament and the latest bourgeois historiography", *History of the USSR*, no. 1, pp. 201–215.
- Grishaev, S.V. (1987), "Bourgeois-historians about the demographic development of the USSR on modern stage", *History of the USSR*, no. 2, pp. 195–201.
- Khanin, G.U. (2021), "Why did the attempt to accelerate scientific and technological progress in the USSR during the Perestroika fail?", *Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal ECO*, no. 6, pp. 176–192.
- Korobochkin, M.L. (1985), "Problems of the history of the Second World War in 'The Journal of Modern History'", *Questions of history*, no. 1, pp. 160–166.
- Logunov, A.P. (1996), *Krizis istoricheskoi nauki ili nauka v usloviakh obshchestvennogo krizisa: otechestvennaya istoriografiya vtoroi poloviny 80 – nachala 90-x gg.*, in Afanasiev, Yu.N. (ed.), *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet historiography], RGGU, Moscow, Russia, pp. 447–487.
- Medushevsky, A.N. (1988), "The Russian State of the 17th and 18th Centuries in the modern non-marxist historiography", *History of the USSR*, no. 3, pp. 195–206.
- Mertsalov, A.N. (1987), "About the criticism of bourgeois historiography of the second World War", *Questions of history*, no. 12, pp. 35–50.
- Mokhnacheva, M.P. (1996), *Sovetskaya istoricheskaya nauka na mejdunarodnyih nauchnyih forumach: istoki nesostoyavshegosya dialoga*, in

- Afanasiev, Yu.N. (ed.), *Sovetskaya istoriographia* [Soviet historiography], RGGU, Moscow, Russia, pp. 78–123.
- Rybalkina, I.G. (1985), “The Soviet Union and African countries. Criticism of the latest bourgeois concepts”, *History of the USSR*, no. 1, pp. 209–216.
- Rzheshesky, O.A. (1985), “The latest bourgeois historiography about turning of the tide during the Second World War”, *History of the USSR*, no. 3, pp. 155–168.
- Shestakov, V.A. (2010), *Sovetskiy Soyuz k 1984 gody*, in Boyko, T.M. (ed.), *Perestroika I kerah SSSR* [Perestroika and the collapse of the USSR], Norma, Saint Petersburg, Russia, pp. 5–55.
- Smirnitsky, A.E. (2026), *Aktualnye problemy razvitiya sovetskoy istoricheskoy nauki (1917–1991)* [Actual problems of the development of Soviet historical science (1917–1991)], Infra, Moscow, Russia.
- Solovey, V.D. (1988), “The process of formation of Soviet historical science (1917 – mid-30s.) in American and English historiography”, *History of the USSR*, no. 4, pp. 200–215.
- Tikhvinsky, S.L. (1986), “The status and tasks of coordinating historical research”, *Questions of history*, no. 9, pp. 3–15.
- Tikhvinsky, S.L. (1987), “January (1987) Plenum of the Central Committee of the CPSU and historical science”, *Questions of history*, no. 6, pp. 3–13.
- Wittenberg, E.Y. (1986), “Modern bourgeois historiography on the participation of the workers of the USSR in the management of production”, *History of the USSR*, no. 2, pp. 194–209.
- Wittenberg, E.Y. (1987), “The social structure of the Soviet working class in the latest bourgeois historiography”, *History of the USSR*, no. 3, pp. 194–210.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлиана Н. Ершова, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; yulanna.yershova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Juliana N. Yershova, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; yulanna.yershova@mail.ru